

# ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

В сентябре прошлого года, когда немцы неистово рвались в Ленинград, поджигали, обстреливали и бомбили его, когда немецкое командование уже вручило офицерам пригласительные билеты на торжественный банкет в «Астории», когда горластые лихорадочно рыли противотанковые рвы на подступах к городу и возводили баррикады на центральных улицах, в эти дни в разное время суток — утром, вечером или днем, — по ежедневно с ленинградской радиостанции неслись в эфир взволнованные и строгие слова:

— Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград...

Ленинград говорил со странной голосами своих защитников — рабочих, писателей, домашних хозяек, музыкантов, красноармейцев и моряков.

Утром 16 сентября Ленинград говорил со странной голосом композитора Дмитрия Шостаковича.

В тот ранний час, когда машина Радиокomiteта приехала за Шостаковичем, чтобы отвезти его в студию, композитор уже сидел за своим роялем.

— Сейчас, — сказал он, ставя на плотной бумаге еще несколько знаков, — сию минуту... Ну вот. Едем.

Машину на полпути захватила воздушная тревога; страна, жадно ловившая в эти минуты голос Ленинграда, не знала, что в Ленинграде Шостакович говорит под гул зенитных орудий и разрывы бомб.

— Час тому назад я закончил партитуру моего нового большого симфонического сочинения, — так начал свое слово композитор. — Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать это сочинение Седьмой симфонией.

Для чего я сообщаю об этом? Я сообщаю об этом для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас,

знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы несем сейчас свою боевую вахту... Советские музыканты, мои дорогие и многочисленные соратники по оружию, мои друзья! Помните, что нашему искусству грозит великая опасность. Будем же защищать нашу музыку, будем же честно и самоотверженно работать...

Композитор говорил глуховатым голосом, немного волнуясь и как бы смущаясь, без пафоса и нажима.

В то утро передовая «Ленинградской правды» называлась — «Враг у ворот». «Над городом нависла непосредственная угроза вторжения подлого и злобного врага, — говорилось в ней. — Ленинград стал фронтом».

Да, в те дни Ленинград стал фронтом, и каждый гражданин, независимо от его профессии, стал солдатом-фронтовиком. Артисты единственного оставшегося в Ленинграде оркестра — оркестра Радиокomiteта — работали на оборонительных сооружениях.

В Ленинграде не было в те дни никакой музыки; в радиорупорах часами раздавалось только мерное, сухое постукивание метронома; это постукивание учащалось после бередящего воя sireны, как учащается биение пульса у больного. Метроном торжественно стучал, чаще всего по вечерам: «он» — немец — прилетал в сентябре ровно в половине восьмого, а вечера в Ленинграде в прошлом году были на удивление ясные, сухие, прозрачные; небо, неумолимо залитое ярким лунным светом, казалось стеклянным, и город был виден врагу, как на ладони. «Он» сыпал сверху, с лунного неба, фугасные и зажигательные бомбы, и население Ленинграда — еще необстрелянное, еще недостаточно опытное — от мала до велика боролось с фашистским огнем. Музыканты единственного ленинградского оркестра тоже защищали свой объект от огня. Скрипач Прессер был командиром пожарного звена. Самую первую зажигательную бомбу, упавшую на Радиокomiteт, погасил концертмейстер группы альтов артист Яснийевский.

Вооруженные лопатами, ломами, одетые в каски и брезентовые рукавицы, артисты в то же время не переставали быть музыкантами.

28 сентября из студии Радиокomiteта шла музыкальная передача в Англию. Оркестр исполнял Пятую симфонию Чайковского. В час передачи — ровно в половине восьмого — прилетел «он». «Он» бомбил. Дважды здание, в котором играл оркестр, рванулось из стороны в сторону: это во двор, в соседний дом, упали две крупные фугасные бомбы. Грохот осматривающихся кирпичей был отчетливо слышен в студии. Но музыканты знали, что голос Ленинграда слушает сейчас весь мир: оркестр ни на секунду не сбился с такта. Окончив передачу, артисты пошли на свои боевые посты — на чердаки, на вышку, к парадной.

Немец в Ленинград не прошел. Все японские штурмы были отбиты. Стойкость и беспримерная решимость победили.

Город стал жить в блокаде. Наступила свирепая зима. Тяжелые испытания одно за другим стали обрушиваться на ленинградцев.

Но оркестр еще собрался на репетиции в ледяных студиях Радиокomiteта. Еще 27 декабря была передача — концерт для Швеции. И это была последняя передача.

В марте пришла в Ленинград волнующая весть о том, что в Куйбышеве исполнялась Седьмая симфония Шостаковича. Вскоре состоялось первое ее исполнение и в Москве. Появились восторженные статьи о гениальном произведении искусства. Но ведь это была наша симфония, ленинградская, она родилась в Ленинграде в самые критические для него дни, и молодой автор ее впервые рассказал о своем произведении из студии нашего Радиокomiteта.

В тот же вечер в Радиокomiteте собралась все музыканты. Их было очень немного — всего 15 человек. Некоторые за это время ушли в армию — защищать город, некоторые были больны, другие, не

выдержав тягот блокадной зимы, погибли. Но эти 15 человек вместе с художественным руководителем Радиокomiteта — 15 закаленных бойцов НВО, квалифицированных музыкантов, людей, прошедших сквозь все тернии блокады, — эти 15 человек решили: во что бы то ни стало должна быть исполнена ленинградская симфония здесь, в Ленинграде.

Но 15 человек это, конечно, не оркестр. Тогда была объявлена обязательная регистрация всех музыкантов города. Радиокomiteт совместно с Управлением по делам искусства стал возрождать оркестр, собирать оставшихся в городе артистов.

В объединенный городской оркестр пришел орденносец Заветниковский, концертмейстер оркестра Филармония; пришел семидесятисемилетний, старейший артист Ленинграда, валторнист Наторнюк. Он играл еще в тех оркестрах, которыми дирижировали Чайковский, Направник, Глазунов. Сын Наторнюка, красноармеец, демобилизованный после тяжелого ранения на Ленинградском фронте, уезжал в это время из Ленинграда и просил отца ехать вместе с ним. Но старый музыкант остался в городе, чтобы участвовать в исполнении Седьмой симфонии.

В оттаивших студиях Радиокomiteта оркестр начал работать. Но, пока не была получена из Москвы партитура Седьмой симфонии, оркестр репетировал другую музыку, для начала выбирая вещи полегче, — ведь артисты очень ослабели за зиму...

И вот 5 апреля 1942 года состоялся симфонический концерт, первый концерт в Ленинграде после тяжелых месяцев зимы.

Огромный зал театра имени Пушкина был полон: ленинградцы — еще в зимних ватниках, еще не совсем очнувшиеся после зимы — пришли на концерт. Только что закончилась уборка города — последняя ледяная битва истощенных людей с зимним льдом. Поднялся занавес, и ленинградцы увидели: на эстраде сидят музыканты. Они не в ватниках, а в костюмах. Они бережно держат в руках свои музыкальные инструменты. Вот вышел дирижер Элиасберг, худой и темный, как все, но во фраке. Он строг, движения его властны, в каждом его скупом жесте видна непреклон-

ная воля музыканта, человека, который внутренне вырос и возмужал за эти месяцы фронтовой жизни.

А через месяц в Ленинград прибыла партитура Седьмой симфонии.

Жадно взял ее в руки Карл Ильич Элиасберг, и в первую же минуту ему стало ясно, что исполнить ленинградскую симфонию в Ленинграде нельзя: она требовала удвоенного оркестра. Нужен был оркестр не менее чем в сто человек. Столько музыкантов в Ленинграде теперь было найти невозможно.

Но Седьмая симфония должна была быть исполнена в Ленинграде, на своей родине. И вот Седьмую симфонию стал поднимать весь Ленинград, — его армии, его флот. По распоряжению Политуправления фронта и флота к оркестру Радиокomiteта были прикомандированы лучшие музыканты из армейских и флотских оркестров. Когда в город прибыли все необходимые артисты, прибыли прямо с фронта, — оркестр начал репетиции.

Вдохновенно и любовно репетировал оркестр героического города свою симфонию, произведение мирового значения, рожденное в городе, который они защищают, отстаивают от озверевшего врага, от свирепого вражеского огня, в городе, который они своими руками освободили от ледяной мертвой корки, окружили неприступными оборонительными сооружениями. Эти люди достойны были исполнять симфонию своего города, и музыка была достойна их самих, потому что выражала то, что все они пережили, защищая город, храня его жизнь, его вечно живую творческую душу.

Наконец 9 августа была назначена премьера Седьмой симфонии Шостаковича. Беловолновый зал Филармонии был ярко освещен, и весь его праздничный, торжественный вид соответствовал возбужденному и приподнятому настроению ленинградцев. Зал быстро заполнялся. Сюда пришли стахановцы, бойцы НВО, партийные и хозяйственные работники, командиры армий, защищающих Ленинград, писатели и артисты.

На сцену вышли музыканты. Огромная эстрада Филармонии оказалась заполненной, за пультами сидел большой сводный ленинградский оркестр: здесь были музы-

канты в красноармейской и флотской форме, здесь сидели артисты Яснийевский и Прессер, мужественно оберегавшие Радиокomiteт от фашистского огня, артисты Шах, Сафонов и Аркин, рыцарские в прошлом году рвы и траншеи вокруг города, — это был оркестр, объединяющий не просто музыкантов, но бойцов и защитников родного города, готовых каждую минуту сменить свой музыкальный инструмент на лопату, винтовку и пожарный рукав.

За дирижерский пульт встал Элиасберг. Долгими аплодисментами встречают дирижера собравшиеся. Эти аплодисменты — награда дирижеру за труд, упорный и настойчивый, труд, создавший оркестр, за творческую, быструю подготовку симфонии в тяжелых условиях осажденного города.

Мгновение полной тишины, и начинается музыка.

И ленинградцы — все, кто находится в зале, все, кто слушает музыку по радио, — знают, что это — о них. Они знают, что враг еще слишком близок от города, что враг готовится к штурму, что он попытается обрушить на Ленинград новые жестокие испытания. Но страшный год блокады не ослабил защитников города, не испугал их, а лишь закалил их волю, плава в огне и остужая во льду. Люди стали сильнее, выносливее, спокойнее, — доказательство тому хотя бы этот концерт, концерт в осажденном и блокированном городе, где враг стоит у самых стен его. Докладательство этому гениальной музыке, рожденная в этом городе и вопреки всем трудностям прозвучавшая здесь мощно и свободно. Это уже победа. Это залог победы будущей — победы решающей.

И воодушевленные Седьмой симфонией, своей, ленинградской симфонией, ленинградцы уходят с концерта, полные уверенности в силе и мужестве стойкого человеческого коллектива, называемого Ленинградом...

Ольга БЕРГОЛЬЦ,  
Георгий МАКОГОНЕНКО.

Ленинград.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»